

Совет по правам человека**Сороковая сессия**

25 февраля – 22 марта 2019 года

Пункт 3 повестки дня

**Поощрение и защита всех прав человека,
гражданских, политических, экономических,
социальных и культурных прав,
включая право на развитие****Свобода религии или убеждений* ******Доклад Специального докладчика по вопросу о свободе религии
или убеждений***Резюме*

В своем докладе Специальный докладчик по вопросу о свободе религии или убеждений Ахмед Шахид рассматривает свободу религии или убеждений и свободу выражения мнений как два тесно связанных друг с другом и взаимодополняющих права. Специальный докладчик дает краткий обзор норм, регулирующих ограничения этих свобод в соответствии с международным правом в области прав человека, и рассматривает некоторые основные примеры ограничений, налагаемых на свободу выражения мнений по причинам, связанным с религией или убеждениями, и изучает обоснования, часто приводимые при их введении. В этом свете он далее разбирает ряд характерных случаев. Он делает вывод о том, что инициативы и планы действий, разработанные в последнее десятилетие для практической реализации обязательств государств в соответствии со статьей 20 Международного пакта о гражданских и политических правах, должны и впредь направлять деятельность государства и акторов гражданского общества в их усилиях.

* Настоящий документ был представлен после установленного срока ввиду необходимости отразить последние события.

** Приложения к настоящему докладу распространяются в том виде, в котором они были получены.

I. Деятельность Специального докладчика с августа 2018 года

1. В своей резолюции 31/16, принятой в марте 2016 года, Совет по правам человека продлил мандат Специального докладчика по вопросу о свободе религии или убеждений на трехлетний период. Совет назначил Ахмеда Шахида Специальным докладчиком на своей тридцать второй сессии. Он приступил к исполнению своих обязанностей 1 ноября 2016 года.

2. Работа, проведенная обладателем мандата в период с 1 ноября 2017 года по 31 июля 2018 года, излагается в последнем докладе, который он представил Генеральной Ассамблее на ее семьдесят третьей сессии (A/73/362). Кроме того, он был приглашен на ряд встреч и консультаций по вопросам свободы религии или убеждений, в том числе на международный семинар по исламофобии, организованный Независимой постоянной комиссией по правам человека Организации исламского сотрудничества (ОИК), который проходил в Стамбуле 17–18 сентября 2018 года, и Межконфессиональный форум Группы 20 (Г-20), проходивший в Буэнос-Айресе 26–28 сентября. Он также участвовал в национальной конференции по поощрению свободы религии или убеждений, состоявшейся в ноябре в Осло, рабочем совещании Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека (УВКПЧ) по комплекту материалов «#faith4rights», состоявшемся 13–14 декабря в Коллонже (Швейцария), и в параллельном мероприятии по борьбе с антисемитизмом в Европе и за ее пределами, состоявшемся 17 декабря в Женеве.

3. Кроме того, 9–19 апреля он совершил поездку в Тунис. В 2018 году Специальный докладчик направил 39 сообщений и опубликовал 20 пресс-релизов, в которых он возвысил свой голос против нарушения свободы религии или убеждений в разных странах. Он также направил запросы о поездках в Малайзию, Нидерланды, Саудовскую Аравию и на Шри-Ланку. Его просьбы о проведении поездок в Нидерланды и на Шри-Ланку были приняты.

II. Введение: свобода мысли, совести, религии или убеждений, мнения и выражения мнений

4. Современная эпоха открывает небывалые возможности выражения людьми своего мнения и взаимодействия между ними благодаря невиданной мобильности людей и достижениям информационно-коммуникационных технологий, которые увеличили скорость и объем таких обменов. В то же время налицо возрождение старых ограничений наряду с появлением новых правовых и неправовых ограничений свободы выражения мнений, которыми пользуются государственные и негосударственные акторы. К ним относятся возрождение законов о борьбе с богохульством и вероотступничеством, распространение и все более широкое использование законов об общественном порядке в целях ограничения свободы выражения мнений, признаваемых оскорбительными для религиозных общин или последователей тех или иных убеждений, а также увеличение расходов на проведение стратегий по борьбе с подстрекательством к дискриминации, враждебности или насилию по признаку религии или убеждений.

5. Важность свободы мнений и их выражения для саморазвития, поиска истины, демократической легитимации и защиты других прав человека совершенно очевидна. Ясно, что свобода выражения мнений также необходима для осуществления всех других прав, таких как право на правовую защиту и возмещение, и в то же время возможности привлекать носителей обязанностей к ответственности. Ее значение для осуществления свободы религии или убеждений не является исключением. Учитывая их взаимоподкрепляющий характер, судьбы этих двух прав переплетены, когда нарушение одного из них часто равносильно ухищрениям, призванным подорвать другое.

6. Оба права во многом апеллируют к многогранной природе человеческого самовыражения как средства изучения мнения, выражения мысли, поиска истины и выражения своей веры как индивидуально, так и вместе с другими в той мере, в какой правовая основа обеспечения обеих свобод признает как неотменяемую природу защиты для внутреннего содержания этих прав (*forum internum*), так и ограниченную необходимость ограничения в определенных случаях их публичного осуществления ради уменьшения любого негативного воздействия на другие права человека, общественную безопасность и порядок.

7. Кроме того, один из центральных аспектов свободы религии или убеждений, а именно право на их мирное выражение, зависит от степени защиты, предоставляемой свободе выражения мнений как в словесной, так и в несловесной форме с помощью многочисленных средств. Точно так же, если нет уважения к свободе мысли и совести, то же, вероятно, относится и к праву на свободу мнений и их выражения. Таким образом, оба права следует считать не состязательными, а усиливающими друг друга и существующими в сфере прав человека, которые универсальны, неотъемлемы, неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны.

8. Несмотря на тесную связь между обоими правами, бывший Специальный докладчик Хайнер Билефельдт в своем докладе Совету по правам человека на его тридцать первой сессии отметил характерные заблуждения в отношении антагонизма этих двух прав, в том числе мнение о том, что взаимосвязь между свободой религии или убеждений и свобода выражения мнений характеризуется их несовместимостью и непримиримостью. Он полагал, что распространенность этой точки зрения может быть порождена представлением о том, что «свобода выражения мнений позволяет вести свободную и открытую дискуссию, в том числе использовать сатирическую провокацию и карикатуры, которые могут быть для кого-то оскорбительными», в то время как «ссылки на свободу религии или убеждений более вероятны, когда имеет место критика выходящих за всякие рамки провокаций, имеющих отношение к вопросам религии» (A/HRC/31/18, пункт 5). Такие взгляды на состязательную природу этих двух прав часто возникают в политических дискуссиях о том, как реагировать на вызовы, возникающие в результате усиления взаимосвязанности и демографических изменений. Это особенно верно, когда появляются новые религиозные общины или группы сторонников тех или иных убеждений, которые могут придерживаться таких взглядов на роль религии или убеждений в общественной жизни, которые отличаются от тех, которые преобладают в других местах.

9. Фетва, изданная в 1989 году против Салмана Рушди за его роман «Сатанинские стихи», кощунственный для многих мусульман, и публикации «Шарли эбдо», которые привели к чудовищному нападению на редакцию, относятся к числу нескольких примеров, на которые часто ссылаются в доказательство таких отношений соперничества. Как и многие инциденты до и после него, дело Рушди¹ вызвало волну протестов, враждебности и насилия в отношении писателей, издателей, художников и их адвокатов, включая несколько случаев, когда насилие во имя религии или убеждений было увековечено или организовано в одном районе мира, чтобы направить предупреждение другому, лишней раз напомнив, насколько взаимосвязанным стал мир. Такие события способствовали ряду дискуссий, порой неконструктивных, о необходимости правил, идущих в ногу со временем, для поощрения уважения к неприкосновенным правам в условиях вновь возникающей и постоянно меняющейся социальной динамики.

10. Для многих приравнивание оскорбления религиозных чувств к уголовному правонарушению находится в прямом противоречии с основополагающей ролью свободы выражения мнений, которая может быть ограничена только в исключительных обстоятельствах, независимо от того, может ли такое выражение мнений оскорбить, возмутить или встревожить. Таким образом, ответ некоторых государств состоял в том, чтобы устранить ограничения на выражение мнений, касающихся религии или убеждений, в частности законов о борьбе с богохульством.

¹ См. ссылки предыдущих мандатариев в E/CN.4/1993/62, пункт 79; E/CN.4/2002/73, пункты 100–101; и A/HRC/7/10/Add.3, пункт 49.

Однако другие подчеркивают, что некоторые взгляды могут быть настолько оскорбительными или человеконенавистническими, что их не следует защищать. Исходя из этого, некоторые государства склонны принимать законы, защищающие религиозные чувства или устанавливающие уголовную ответственность за возбуждение ненависти. Влияние таких шагов на свободу религии и убеждений многообразно.

11. Приблизительно 58% из 665 сообщений, направленных с 2004 года специальными докладчиками по вопросу о свободе религии или убеждений государствам – членам Организации Объединенных Наций, касаются свободы выражения мнений, совести и религии или убеждений. Специальный докладчик хотел бы выразить обеспокоенность в связи с многочисленными полученными им сообщениями, в которых подробно описаны слежка, запугивание, преследование, привлечение к суду, угрозы физического насилия, пытки или убийства в результате действий, которые превысили пределы, установленные законом или общественные условности в отношении мирных проявлений мыслей, совести и религии или убеждений и/или оскорбили чувства других, оскорбив то, что они считали своими святынями.

12. В свете ограничений системы сообщений в рамках специальных процедур Совета по правам человека, эта информация служит лишь указанием на масштабы проблемы. Число сообщений, отправляемых в рамках этой системы, зависит от доступа к надежной информации, согласия предполагаемых жертв, способности своевременно обрабатывать информацию, наличия альтернативных вариантов и других факторов. Тем не менее Специальный докладчик отмечает, что имеющиеся данные свидетельствуют о неразрывной связи, существующей между степенью защиты, предоставляемой свободой выражения мнений, и степенью уважения и осуществления свободы религии или убеждений. Эта информация показывает, насколько превратно государства понимают основания введения ограничений, предусмотренных в статьях 18 и 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, и в какой степени они смешивают преднамеренное подстрекательство к враждебным или насильственным действиям (которые государства обязаны запрещать в соответствии с положениями пункта 2 статьи 20) с выступлениями, которые провоцируют насилие над оратором (такое насилие в конечном итоге было бы равнозначно лишению свободы слова враждебно настроенными оппонентами). Поэтому ограничения свободы выражения мнений, не соответствующие критериям, изложенным в статье 19 Пакта, могут представлять собой одно из наиболее серьезных и часто встречающихся препятствий для соблюдения Декларации 1981 года о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений.

13. В настоящем докладе представлен краткий анализ режима ограничений, закрепленного в международном праве в области прав человека, разобраны некоторые характерные примеры ограничений, налагаемых на свободу выражения мнений по причинам, связанным с религией или убеждениями, и рассмотрены обоснования, часто приводимые при их введении². Влияние этих ограничений на центральный аспект свободы религии или убеждений, а именно право лиц выражать вовне свою религию или свои убеждения будет изучено путем рассмотрения дел, которые являются показательными в свете озабоченности Специального докладчика. Этот акцент на жертвах согласуется с правозащитным подходом и представляет собой попытку проиллюстрировать конкретные результаты абстрактных дискуссий, к которым привыкли многие, вовлеченные в эту проблему. Наконец, Специальный докладчик признает сложности рассматриваемой проблемы и непростые задачи, которые стоят перед многими государствами, сталкивающимися с необходимостью продуманных стратегий для реагирования на критические, часто эмоционально заряженные ситуации. Поэтому в последнем разделе доклада описан основанный на

² В настоящем докладе не рассматриваются ограничения, налагаемые на религиозное самовыражение в целях защиты основных прав и свобод других людей (например, гомофобные и женоненавистнические заявления); они будут рассмотрены в одном из будущих докладов.

приоритизации подход к преодолению напряженности, часто порождаемой сталкивающимися интересами различных заинтересованных сторон в данном обществе, и рассматриваются инструменты, разработанные в рамках ряда инициатив Организации Объединенных Наций для предоставления ориентиров и оказания помощи государствам в их усилиях.

III. Международная система прав человека

14. Свобода выражения мнения необходима для реального пользования свободой мысли, совести и религии или убеждений. Защита этих свобод формулируется аналогичным образом³. Всестороннее пользование одним невозможно без другого или в отсутствие права на неприкосновенность частной жизни, свободу ассоциации и мирных собраний. Это говорит о том, что эти два права не только взаимозависимы, но и существуют в правовом континууме с множеством других прав⁴. Соответственно, правильнее рассматривать отношения между этими правами как взаимное дополнение, а не отношения напряженности или иерархии.

15. Однако нередко считают, что обе свободы сталкиваются, и многие государства стремятся «сбалансировать» эти два права, когда в некоторых районах мира, как кажется, возобладали свобода религии или убеждений, а в других – свобода выражения мнений. В первом случае механизмы контроля и правоприменения часто подают тревожный сигнал посягательств на свободу выражения мнений, переходящий в крещендо негативные последствия для других прав. Противники расширения сферы ограничения свободы слова в связи с вероисповеданием или убеждениями сверх предусмотренного в пункте 3 статьи 18, пункте 3 статьи 19 и пункте 2 статьи 20 Международного пакта о гражданских и политических правах часто критикуют эти ограничения за их нечеткость, драконовские наказания и частое (и неправильное) использование; с этим резко контрастируют узкие пределы ограничений на свободу выражения мнений и религии или убеждений, предусмотренных международным правом в области прав человека. Они обращают внимание на международное право, предусматривающее, что люди являются правообладателями, которые могут придерживаться, принимать или менять свою религию или убеждения по своему усмотрению, не опасаясь подвергнуться дискриминации, вражде или насилию за такие свои религии или убеждения. Однако религии или убеждения сами по себе не защищены от критики, отвержения или оскорбления в той степени, в которой они не ущемляют прав людей иметь или принимать убеждения по своему выбору (A/HRC/2/3, пункт 37).

16. По мнению этих противников расширения сферы ограничений, попытки оградить религиозную догму от критики не влекут за собой столкновения прав человека, а скорее свидетельствуют о неправильном применении принципов прав человека. Кроме того, свобода религии или убеждений не дает верующим права на защиту своей религии или своих убеждения от любых критических комментариев, а в первую очередь дает им право действовать мирно в соответствии со своими убеждениями (A/HRC/2/3, пункт 37). Проявления религии или убеждений, отмечают они, должны соответствовать обязанности уважать основные права и свободы других людей и могут подвергаться ограничениям на этих основаниях. В связи с этим государства обязаны запрещать любую пропаганду религиозной ненависти, которая представляет собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию (Пакт, пункт 2 статьи 20). Сторонники ограничения свободы выражения мнений также утверждают, что ограничения представляют собой по своей сути угрозу осуществлению права на свободу религии или убеждений для всех, поскольку такие ограничения регулярно нацеливаются на религии или убеждения меньшинств, само

³ Однако есть и различия. Выражение мнений, касающихся религии или убеждений, не может быть ограничено по соображениям национальной безопасности, в то время как свобода выражения мнения может быть ограничена.

⁴ Malcolm D. Evans, «The freedom of religion or belief and the freedom of expression», *Religion and Human Rights*, vol. 4, Nos. 2–3 (2009), p. 206.

существование которых может противоречить убеждениям религиозных общин большинства. Это включает в себя убеждения атеистов и гуманистов, которые, по определению, представляют собой богохульство в глазах различных религиозных групп.

17. Тем не менее, как и свобода проявления своей религии или убеждений, свобода выражения не абсолютна. Осуществление обеих свобод может ограничиваться в интересах общественной безопасности, порядка, здоровья и нравственности, а также для защиты прав и свобод других, и в случае свободы выражения мнений национальной безопасности. Согласно международному праву такие ограничения должны: а) вводиться по допустимым основаниям; б) быть прямо изложены в законодательстве, чтобы люди могли точно знать, какое поведение запрещено; в) быть обоснованы в плане их необходимости и быть наименьшими из возможных для достижения поставленной цели; д) не должны быть дискриминационными, равно как и не должны уничтожать само это право, которое должно и впредь защищаться с гарантией прав на надлежащую законную процедуру, включая доступ к средствам правовой защиты.

18. В международном праве признается, что свобода выражения мнений имеет настолько основополагающий характер для демократического общества, что даже условия введения ограничений, защищающих людей от подстрекательства к бесчисленному вреду, должны быть установлены на очень высоком пороговом уровне. Этот стандарт защищает от злоупотребления указанными ограничениями и/или от произвольных ограничений свободы мысли и дискуссии как необходимого условия здоровой и прочной демократии. Кроме того, взаимосвязь свободы религии или убеждений и свободы выражения мнений была признана Советом по правам человека в своей резолюции 16/18 и более подробно рассмотрена в Рабатском плане действий о запрете пропаганды национальной, расовой или религиозной ненависти, которая представляет собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию. Как указывал бывший Специальный докладчик Билефельдт, государства должны создавать благоприятные условия для того, чтобы каждый мог пользоваться правом на свободу религии или убеждений. Это требует, в частности, принятия мер по ликвидации всех форм нетерпимости, стигматизации и негативных стереотипов в отношении людей, обусловленных их религией или убеждениями, а также проведения действенной политики предотвращения актов насилия или подстрекательства к нему (A/HRC/31/18, пункт 9).

19. В этой связи в Рабатском плане действий подчеркивается, что политическим и религиозным лидерам следует воздерживаться от высказываний, способных спровоцировать насилие, враждебность или дискриминацию, твердо и незамедлительно выступать против «языка вражды» и прямо заявить, что насилие не может быть оправдано провокацией (A/HRC/22/17/Add.4, приложение, пункт 36). Хотя некоторые влиятельные деятели религиозных общин были источниками подстрекательства, необходимо и далее укреплять их важную роль в отторжении нарушений прав человека и осуждении использования религии для оправдания насильственного экстремизма или нарушений прав человека.

20. В рамках других инициатив были предложены меры, которые могут быть приняты различными акторами государства и гражданского общества для противодействия дискриминации и насилию, допускаемым во имя религии или убеждений. Общая для всех цель состоит в том, чтобы поощрять права человека и ограждать свободу религии или убеждений. Так, в июле 2017 года после ряда региональных семинаров, проведенных Управлением по предупреждению геноцида и ответственности за защиту, собравших многообразную группу религиозных деятелей, экспертов по правам человека и правозащитников и организаций гражданского общества, объединенных стремлением предотвратить подстрекательство к насилию, способное привести к преступным злодеяниям, был опубликован План действий

религиозных лидеров и деятелей по предотвращению подстрекательства к насилию, способному привести к преступным злодеяниям (Фесский план действий)⁵.

21. Принципы «Веры за права человека», подготовленные в марте 2017 года под эгидой УВКПЧ с привлечением религиозных деятелей и международных экспертов по правам человека, основываются на идеях, почерпнутых в Рабатском плане действий, о позитивной роли, которую религиозные деятели могут сыграть в реагировании на подстрекательство к насилию. Целью обязательств декларации «Вера за права человека» является мобилизация религиозных ресурсов для укрепления системы прав человека, в частности на основе признания взаимозависимости свободы выражения мнений и свободы религии или убеждений⁶. Бейрутская декларация «Вера за права человека» и ее 18 обязательств укрепляют решимость не подавлять критические голоса и взгляды по вопросам религии или убеждений, какими бы ошибочными или оскорбительными они ни казались, во имя «святости» предмета (см. приложения I и II). Следуя Рабатскому плану действий, в этих 18 обязательствах также содержится призыв к государствам, в которых еще действуют законы о борьбе с богохульством или вероотступничеством, отменить их, подчеркивая, что такие законы душат свободу мысли, совести и религии или убеждений, а также здоровый диалог и дискуссии по религиозным вопросам.

22. Признавая важность долгосрочных мер, 18 обязательств предусматривают дальнейшее совершенствование учебных программ, учебных материалов и учебников во всех тех случаях, когда некоторые религиозные толкования или способы их изложения могут создать впечатление потворства насилию или дискриминации. 18 обязательств также включают обязательство защищать академическую свободу и свободу выражения мнений в соответствии с международным правом в области прав человека, в частности для ученых, которые изучают религию, что продвигает ту идею, что религиозные верования могут дать ответы на новые вызовы и стать источником содействия свободному и творческому мышлению.

23. Эти инициативы подчеркивают растущее согласие международного правозащитного сообщества с тем, что законы о борьбе с богохульством противоречат поощрению прав человека для всех людей (A/HRC/22/17/Add.4, приложение, пункт 19). Таким образом, международный нормативный стандарт ясен: государства не могут устанавливать наказание за оскорбления, критику или принижение религиозных идей, икон или святынь, равно как и законы не могут использоваться для защиты чувств верующих. В этой связи несколько стран, в том числе Норвегия, Нидерланды, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и недавно Дания, Мальта, Ирландия и Канада, отменили законы о борьбе с богохульством. Однако важно отметить, что во многих странах законы о борьбе с богохульством остаются в силе и что во всем мире государство прибегает к законам, чтобы оградить чувства людей или даже вероучения или пытаются регламентировать правила вежливости на законодательном уровне.

IV. Ограничения свободы выражения мнений и их влияние на свободу религии или убеждений

24. Хотя международное сообщество достигает консенсуса в отношении нежелательности законов против богохульства, отдельные общества во многих районах мира не приближаются к нему. Почти 47% стран и территорий мира имеют законы или правила, предусматривающие наказание за богохульство, вероотступничество или диффамацию религий⁷. В этих странах продолжаются дискуссии о том, законно ли введение правовых ограничений свободы слова, если та оскорбляет религиозные чувства, или запрещение выражения мнений, формирующих негативные представления о группе или общине, исходя из того, что ценности и

⁵ См. www.un.org/en/genocideprevention/advising-and-mobilizing.shtml.

⁶ См. www.ohchr.org/EN/Issues/FreedomReligion/Pages/FaithForRights.aspx.

⁷ Joelle Fiss, «Anti-blasphemy offensives in the digital age: when hardliners take over», Analysis Paper, No. 25 (Washington D.C., Brookings Institute, 2016).

действия этой общины в целом могут определяться актами террора и другими антиобщественными деяниями, совершенными некоторыми из ее членов.

25. Люди или государства могут выступать за введение ограничений применительно к богохульству, исходя из того, что свобода выражения мнений может привести к оскорблению «святынь» и, следовательно, к оскорблению чувств других людей⁸. На таких основаниях они считают необходимым ограничивать выражение мнений, затрагивающих религию или убеждения, в том числе с помощью законов о богохульстве и о «диффамации религии». Такие законы, утверждают некоторые их сторонники, способствуют поддержанию религиозной гармонии или религиозного мира. Их цель состоит в том, чтобы оградить религиозные чувства приверженцев веры большинства или меньшинства от оскорблений или поношения и обеспечить защиту от последующей враждебности или насилия, которые могут стать результатом такого оскорбления⁹.

26. Некоторые из сторонников таких мер считают, что недостаточно строги запреты на выпады, формирующие негативные стереотипы отдельных религий, и что это создает угрозу гармонии в мире и обществе и правам отдельных приверженцев этих религий. Эта угроза принимает форму дискриминации, нарушений права на неприкосновенность частной жизни, усиления расового или религиозного профилирования и насилия. Для истинно верующего, как отметили бы некоторые из них, искренние убеждения – например, основанные на религиозных верованиях, – представляют собой неизменную основу человеческой личности, сходную с расой, национальным происхождением и другими признаками, которые считаются неизменными. Таким образом, нападки на основы личности, такие как религия или убеждения (которыми люди определяют себя и по которым их определяют другие), дают основания для запрета, точно так же как о «возбуждении ненависти и вражды» применяются для защиты уязвимых лиц или групп людей, подвергающихся нападкам по признаку расы, национального происхождения, гендера или сексуальной ориентации. Хотя некоторые элементы религиозной нетерпимости пересекаются с расизмом, приравнивание одного к другому приводит к серьезным проблемам, как поясняется ниже.

27. Кроме того, некоторые государства используют законы об общественном порядке для ограничения выражения мнений, которые могут оскорблять убеждения большинства населения. Они либо запрещают нападки на религиозные убеждения, которые могут считаться кощунственными, либо ограничивают выражение мнений, касающихся религии или убеждений, которые не совместимы с религией или убеждениями большинства, например с взглядами о роли религии в общественной жизни, тем самым практически расширяя сферу ограничения свободы выражения мнений, касающихся религии или убеждений, в целях, которые превышают те, которые предусмотрены международным правом. Между тем, даже в тех странах, где выражение таких взглядов не ограничено свыше того, что предусмотрено международным правом в области прав человека, остаются вопросы о том, как социальные акторы, такие как средства массовой информации, должны реагировать на слова, которые некоторые члены общества считают оскорбительными или кощунственными.

28. Ограничения, налагаемые на выражение взглядов, касающихся религии или убеждений, можно подразделить на две большие категории. Первая категория включает законы, направленные на защиту религии, убеждений, идей или икон от критики, отрицания или оскорбления. Это включает законы против

⁸ Neville Cox, «Blasphemy and Defamation of Religion Following Charlie Hebdo» in *Blasphemy and Freedom of Expression: Comparative, Theoretical and Historical Reflections after the Charlie Hebdo Massacre*, Jeroen Temperman and András Koltay, eds. (Cambridge, Cambridge University Press, 2017), p. 59.

⁹ См., например, резюме законодательства государств, составленное Европейским судом по правам человека, в *Otto Preminger-Institute v. Austria*, Application No. 13470/87, Judgment of 20 September 1994, *Wingrove v. the United Kingdom*, Application No. 17419/90, Judgment of 25 November 1996, and *E.S. v. Austria*, Application No. 38450/12, Judgment of 25 October 2018.

вероотступничества, богохульства и диффамации, а также законы об общественном порядке. Вторая категория включает законы, принятые в целях защиты людей от «возбуждения ненависти или вражды» по признаку религии или убеждений.

29. В 2017 году более чем в 70 странах всех географических групп Организации Объединенных Наций действовали законы против богохульства и диффамации религии. Можно утверждать, что законы против богохульства и законы против диффамации религии – две стороны одной медали. Законы против богохульства – попытка защитить вероучение и религиозные святыни от критики, а законы против диффамации ограничивают свободу выражения мнений в целях предотвращения необоснованного оскорбления верующих, в отличие от убеждений. Преобладающую цель законов о богохульстве составляет защита вероисповеданий большинства, но некоторые такие законы также направлены на защиту религий или религиозных деятелей меньшинств. По крайней мере 20 стран имеют такие законы. Они обычно защищают все религии от оскорбления и, по крайней мере, теоретически, в равной степени применяются к религиям большинства и меньшинства. В некотором смысле законы против диффамации религии в своем намерении имитируют законы о «возбуждении ненависти», но приближаются к их цели защиты верующих от стигматизации, дискриминации и насилия путем их защиты от оскорбления их религиозных верований. С другой стороны, законы против «возбуждения ненависти» являются попыткой ограничить свободу слова в случаях разжигания ненависти, приводящего к враждебности, дискриминации или насилию.

30. По крайней мере в 20 странах мира предусмотрено наказание за вероотступничество. Человек, который отказывается от своей религии, может считаться вероотступником и подвергнуться наказанию, вплоть до смертной казни. Комитет по правам человека подчеркивает, что ни при каких обстоятельствах смертная казнь никогда не может быть применена в качестве наказания за деяние, сама криминализация которого нарушает Пакт, включая вероотступничество¹⁰. В странах, где законы против отступничества используются для ограждения религиозных догм, такие законы часто оправдываются ссылками на вероучение. Их цель в том, чтобы предотвратить отступления от ортодоксальной доктрины или ее искажение. Ее защищают, как богоданную обязанность приверженцев веры, чей личный долг выполняется как вопрос публичной политики. Законы против вероотступничества используются для обеспечения монополии определенных религиозных верований и для законодательного регулирования социального поведения путем ограничения гражданских свобод. Ни одно правительство прямо не поддержало «такфир», практику обвинения мусульман, особенно тех, кто занимает руководящее положение, в недостаточной приверженности религии, и в некоторых странах, например в Тунисе, такая практика запрещена уголовным законом. Однако существование законов о борьбе с богохульством может способствовать практике такфир со стороны вооруженных групп и банд.

31. Законы, запрещающие переход в другую веру, не допускают обращения людей из одного вероисповедания в другое и в ряде случаев устанавливают наказание и в отношении новообращенного. В 2015 году насчитывалось 99 стран, ограничивавших усилия некоторых или всех религиозных групп по привлечению людей к переходу в свою веру, по сравнению с 79 странами в 2009 году¹¹. В их число входят 16,4% всех государств мира, которые запрещают прозелитизм, т. е. деятельность по обращению в веру меньшинств, и 45,2% всех государств, запрещающих миссионерскую деятельность иностранных священнослужителей или миссионеров¹². В 2015 году обращение в свою веру привело к случаям социальной враждебности, едва не вылившимся в физическое насилие, в 25 странах. Инциденты, связанные с физическим насилием, произошли в 27 странах. Некоторые противники неограниченного права на прозелитизм утверждают, что ограничения необходимы для сохранения общественного порядка. Они отмечают, что там, где соперничество между

¹⁰ Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 36 (2018) о праве на жизнь.

¹¹ Jonathan Fox, «Equal opportunity oppression: religious persecution is a global problem», *Foreign Affairs*, 31 August 2015.

¹² Ibid.

религиозными группами приобрело характер враждебности, где имеется предыстория религиозного насилия или где попытки придать религии роль в общественной жизни противоречат взглядам государства на эту роль, ограничения на прозелитизм со стороны враждующих групп могут способствовать гармонии в обществе и предотвращению продолжения конфликта. Другие утверждают, что прозелитизм может (и должен) быть ограничен, если он нацелен на уязвимые группы населения или использует методы принуждения или манипуляции, пытаясь обмануть, запугать или подчинить людей для их обращения в свою веру¹³. Такие законы часто нарушают право на свободу религии или убеждений как в аспекте *forum internum*, так и в аспекте *forum externum*¹⁴.

32. В некоторых случаях для наказания и предотвращения выражения мнений, оскорбляющих религиозные чувства, используются законы об общественном порядке. Такие законы обосновываются тем, что общественное спокойствие должно быть защищено от действий оскорбленных членов общества. Законы об общественном порядке могут также использоваться для предотвращения защищенных форм проявления религии или убеждений, таких как прозелитизм и несоблюдение устоявшихся религиозных или общественных условностей. Например, постановления об общественном порядке использовались для запрета публичных молитвенных собраний, прозелитизма или других публичных проявлений религиозных верований. Эмпирические исследования показывают, что в около 6,8% стран во всем мире ограничивается публичное соблюдение религиозных обрядов, включая религиозные праздники и день отдохновения, а в 10,2% стран ограничивается деятельность вне религиозных объектов и публичная демонстрация религиозных символов частными лицами или организациями, включая (но не ограничиваясь этим) религиозную одежду, наличие или отсутствие растительности на лице, рождественские сцены и иконы¹⁵.

33. Как указывалось выше, законы против богохульства все больше выходят из употребления. Вместо этого государства, похоже, стремятся принять законы о «разжигании ненависти». Это, несомненно, важно, особенно для защиты меньшинств и других уязвимых групп. Фактически статья 4 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации и статья 20 Международного пакта о гражданских и политических правах требуют от государств запрещать «разжигание ненависти». Тем не менее не критический подход к разработке и применению законов против возбуждения ненависти или вражды может вызвать проблемы. Если такие законы сформулированы в расплывчатых выражениях или ставят конкретную цель запрещения конкретного информационного содержания, они могут служить на практике способом запрещения богохульства. Когда законы против «разжигания ненависти» ограничивают сферу свободы слова, а не предусматривают контекстные оценки, позволяющие решить, имеется ли неминуемая угроза насилия или намерение к подстрекательству к дискриминации или враждебности с помощью свободы слова, их последствия могут быть сходны с последствиями закона против богохульства. Законы, изложенные таким образом, часто применяются для усиления доминирующего политического, социального и этического дискурса и мнений данного общества. Они часто используются для противостояния голосам оппозиции и инакомыслия, а также для цензуры меньшинств. Таким образом, государства используют законы о «разжигании ненависти» против тех самых меньшинств, для защиты которых эти законы были предназначены. В некоторых случаях законы о «разжигании ненависти» используются даже для того, чтобы ограничить меньшинства в поощрении своей культуры и самобытности или в выражении озабоченности по поводу дискриминации по отношению к ним со стороны большинства¹⁶.

¹³ См. A/67/303.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Fox, «Equal opportunity expression».

¹⁶ Agnes Callamard, «Expert meeting on the links between articles 19 and 20 of the International Covenant on Civil and Political Rights: freedom of expression and advocacy of religious hatred that constitutes incitement to discrimination, hostility or violence», paper presented at the expert meeting on the links between articles 19 and 20 of the International Covenant on Civil and Political Rights, Geneva, October 2008.

34. Государства должны признавать эти различия, чтобы обеспечить более действенное соблюдение международного права прав человека. Это особенно справедливо в свете того, что религия и убеждения тесно связаны с идентичностью и в определенных условиях пересекаются и смешиваются с расой. Они выступают как особенности, по которым люди определяют себя и по которым их выделяют другие. Государства могут решить пересмотреть законодательство, запрещающее любую пропаганду национальной, расовой или религиозной ненависти, которая представляет собой подстрекательство к дискриминации, враждебности или насилию, чтобы обеспечить четкость определений, используемых в законодательстве, в частности в его определениях терминов: а) «ненависть» и «враждебность», под которыми должны пониматься «сильные иррациональные эмоции оскорбления, вражды и отвращения к целевой группе»; б) «пропаганда», под которой следует понимать намерение публично возбуждать ненависть к целевой группе; в) «подстрекательство», под которым следует понимать заявления о национальных, расовых или религиозных группах, которые создают неминуемую опасность дискриминации, вражды или насилия в отношении лиц, принадлежащих к этим группам. Кроме того, государства, возможно, решат обеспечить, чтобы д) поощрение различными сообществами позитивного чувства групповой идентичности не считалось «разжиганием ненависти»¹⁷.

V. Характерные случаи

35. Споры о том, как обществу следует подходить к самовыражению, связанному с религией или убеждениями, которые некоторые считают оскорбительным или богохульным, остается весьма острыми, несмотря на упомянутые выше тенденции. Хотя, согласно международному праву, целью или задачей ограничений на выражение мнений, касающихся религии или убеждений, является защита общественной безопасности, порядка, здоровья, нравственности и прав и свобод других людей¹⁸, такие ограничения должны соответствовать установленному здесь режиму. Вне зависимости от того, заключается ли их цель в общественном осуждении приверженцев определенной веры, ограждении общественного порядка, укреплении межрелигиозной гармонии или пресечении подстрекательства, законы, которые наказуют или запрещают критику религии или убеждений, или подвергают цензуре выражение мнений, способных оскорбить чувства приверженцев определенных верований, по сути дела подрывают пользование этим правом, поскольку они не преследуют законных целей. Действительно, защита свободы высмеивать и оскорблять путем выражения мнения неотделима от гарантии права на свободу мысли, совести и религии или убеждений.

36. Кроме того, дискуссии, подобные этой дискуссии о сложных вопросах, возникающих в связи с субъективно воспринимаемыми противоречиями между свободой религии или убеждений и свободой выражения мнений, часто оформляются в нормативных терминах, а не основываются на опыте жертв. В то же время эти вопросы часто рассматриваются как проблема, связанная с определенной группой государств, что и неточно, и контрпродуктивно. Таким образом, часто эмоциональные аргументы по этому вопросу не учитывают человеческих издержек мер, обсуждавшихся в предыдущем разделе, и игнорируют реальность того, что вопросы, возникающие в результате противоречий между двумя правами, универсальны. Представленные ниже случаи, хотя и далеко не исчерпывающие при раскрытии масштабов проблемы, служат характерными примерами того влияния, которое ограничения на выражение мнений, связанных с религией или убеждениями, какими бы благими намерениями они ни вдохновлялись, могут оказывать на пользование этим правом индивидами и обществом.

¹⁷ Article 19, *The Camden Principles on Freedom of Expression and Equality* (London, 2009), principle 12.1. См. также Рабатский план действий, пункт 21.

¹⁸ Пункт 3 статьи 19 Пакта включает дополнительное основание ограничения – охрана государственной безопасности.

А. Богохульство и диффамация религий

Община мусульман-ахмадийцев

37. Законы, принятые в Пакистане в отношении мусульман-ахмадийцев, по существу преследуют цели законов о богохульстве. Мусульмане-ахмадийцы считают себя мусульманами-суннитами и придерживаются учения Мирзы Гулама Ахмада (родившегося в Кадане в Пенджабе, Пакистан, в 1835 году), которого они считают пророком, не принесшим нового религиозного закона, вдохновленным на реформирование и обновление мусульманской общины. Однако ортодоксальные мусульмане считают это притязание еретическим и нарушающим принцип окончательности завета пророка Мухаммеда. Ахмадийцы подвергаются систематическим гонениям в результате санкционированной государством дискриминации и других репрессивных мер, включая закрытие их предприятий, школ и мечетей и тюремное заключение тех, кто нарушает ограничительные законы, налагаемые на общину. Дискриминационные меры включают отказ в равных гражданских правах, в том числе при выдвижении на официальную должность. Были случаи, когда людей увольняли с работы или заставляли уйти в отставку из-за их приверженности ахмадийским учениям или приговаривали к смертной казни только за исповедание своей веры. Приверженцы веры подвергаются непрекращающимся угрозам и запугиванию, а также актам насилия и террора, практически не получая защиты со стороны властей. Ахмадийцы подвергаются гонениям не только в Пакистане: они сталкиваются с дискриминацией и насилием и в других странах с мусульманским большинством из-за неприятия их доктриной притязаний Мирзы Гулама Ахмада, объявившего себя пророком.

Мохаммед Шейх ульд Мухаммед ульд Мхаитир

38. Мохаммед Шейх ульд Мохаммед ульд Мхаитир, мавританский инженер, в 2013 году опубликовал на новостном сайте статью «Религия, религиозность и кузнецы», в которой критиковалось использование религии для оправдания рабства и подчеркивалась связь между религией, расизмом и дискриминацией¹⁹. Мхаитир был арестован и обвинен в наказуемых смертной казнью преступлениях вероотступничества и поношения пророка Мухаммеда. Когда Мхаитир узнал, что власти объявили его в розыск, он добровольно сдался им. После его ареста общественное негодование на его статью не прекратилось. Хотя во время суда Мхаитир принес свои извинения и объяснил, что он никоим образом не хотел поносить Пророка, он был приговорен к смертной казни. Как сообщалось, в ходе процесса был допущен ряд процессуальных нарушений, в том числе было отказано в приобщении к материалам дела письма, написанного Мхаитиром вскоре после его ареста, в котором говорилось, что он не хотел поносить ислам. В преддверии и во время судебного процесса было получено настолько много угроз убийством, что трое защитников Мхаитира устранились от участия в деле. Смертный приговор, вынесенный судом, встретил международное осуждение, в том числе со стороны мандатариев специальных процедур. Однако правительство утверждало, что Мхаитир превысил пределы защиты свободы слова и что его право на свободу религии или убеждений не было нарушено вследствие оговорки, заявленной Мавританией в отношении статьи 18 Международного пакта о гражданских и политических правах. В январе 2017 года Верховный суд сократил его наказание до двух лет тюремного заключения и небольшого штрафа. Однако он остается в заключении в неизвестном месте, практически не имея доступа к своим адвокатам, и, как сообщается, серьезно болен.

¹⁹ Во втором цикле универсального периодического обзора 17,5% всех рекомендаций, вынесенных Мавританией, касались рабства.

Асия Биби

39. В ноябре 2010 года Асия Биби была признана виновной в богохульстве и приговорена к смертной казни. Она была батрачкой в деревне Иттан-Вали к западу от Лахора (Пакистан), где она и ее семья были единственными христианами. По сообщениям, Биби обвинили в том, что она осквернила чашу, предназначенную для жителей деревни – мусульман, выпив воду из нее, поскольку как христианка она была нечистой и ей запрещалось пользоваться той же посудой, что и мусульманам. Из-за этого возник спор, когда работавшие с ней мусульманки потребовали, чтобы она приняла ислам, а в ответ она, как утверждается, поносила Пророка Мухаммеда. Когда о происшедшем стало известно местному имаму, тот стал заставлять ее признаться в кощунственных словах, а когда она отказалась, толпа жестоко избивала ее в присутствии ее детей. После почти года заключения она была обвинена в богохульстве. Губернатор Пенджаба Салман Тасир, который посетил Асию Биби в тюрьме и высказал мнение, что она может претендовать на президентское помилование, если Высокий суд не отменит ее приговор, был застрелен его телохранителем в январе 2011 года. Кроме того, в марте 2011 года из засады был убит министр по делам меньшинств Шахбаз Бхатти, который также поддержал Асию Биби и высказал предположение о необходимости изменения закона о богохульстве. Процесс обжалования занял восемь лет, пока Верховный суд не отменил ее приговора в октябре 2018 года, указав на существенные противоречия и противоречия в показаниях свидетелей, заставившие усомниться в согласованности доказательств. 29 января 2019 года Верховный суд отклонил ходатайство о пересмотре оправдательного приговора.

Басуки Чахая Пурнама

40. Басуки Чахая Пурнама, этнический китаец-христианин, губернатор Джакарты, баллотировался на новый срок на выборах губернатора, намеченных на 2017 год. Выступая во время своей избирательной кампании, он процитировал отрывок из Корана. Ряд групп заявили об искажении смысла отрывка в выступлении, в видеозаписи которого, размещенной в Интернете, по-видимому, было вырезано слово, что и привело к неправильному толкованию его выступления. Ряд организаций подали жалобу на Пурнаму в полицию и обвинили его в совершении богохульства. Пурнама принес публичные извинения, отметив, что не хотел никого обидеть. Тем не менее впоследствии была издана фетва и во время массовых акций протеста, как сообщается, их лидеры выступили с заявлениями, разжигавшими ненависть и нетерпимость. Эти протесты были объявлены политически мотивированными желанием победить Пурнаму на губернаторских выборах. Хотя защита Пурнамы представила доказательства ряда процессуальных ошибок в полицейском дознании, суд отклонил ее ходатайство о прекращении дела. 9 мая 2017 года районный суд Северной Джакарты признал Пурнаму виновным в богохульстве и подстрекательстве к насилию и приговорил его к двум годам тюрьмы. 24 января 2019 года он был освобожден на три с половиной месяца раньше срока в соответствии с законодательством Индонезии об амнистии, которой предусматривает освобождение осужденных от наказания по случаю праздников и за примерное поведение.

Авиджит Рой

41. Авиджит Рой, американско-бенгальский блогер, приехавший в Бангладеш, был убит в результате нападения на него и его жену Рафиду Ахмед людьми с мачете на улицах Дакки. Хотя его жена оправилась от травм, полученных в результате жестокого нападения, Рой умер вскоре после того, как его доставили в больницу. Его убийство вписывалось в растущую тенденцию нападений на блогеров и атеистов, усилившуюся в 2013–2016 годах, когда не менее 10 блогеров и издателей были убиты в результате нападений. В ответ на усиление требований о введении смертной казни за богохульство правительство заявило, что в таком законе нет необходимости, поскольку действующее законодательство запрещает необоснованные оскорбительные нападки на религию. В 2013 году правительство создало комитет для отслеживания блогеров и других авторов уничижительных заявлений об исламе в сети. Впоследствии был опубликован список 84 блогеров, писавших о религии, который, как сообщается, был составлен экстремистской группой. По крайней мере семь

человек из этого списка, включая Роя, были убиты в период 2014–2016 годов, а несколько других скрылись.

В. Меры по соображениям общественного порядка

42. 21 февраля 2012 года российская феминистская панк-рок группа протеста «Пусси райот» в течение одной минуты исполняла песню, в которой содержались непристойные выражения и критика московского храма Христа Спасителя наряду с государственными и религиозными деятелями. Несколько дней спустя члены группы были арестованы и обвинены в хулиганстве. Члены музыкальной группы утверждали, что их выступление представляет собой политическое заявление и не было мотивировано ненавистью к религиозной группе. Суд принял показания 11 верующих, которые были свидетелями выступления и считали его оскорбительным для своих верований, и постановил, что группа оскорбила православных верующих. Суд также принял заключение группы экспертов-психолингвистов, которая установила, что выступление «Пусси райот» нарушило нормы общественного поведения и оскорбило православных христиан. Хамовнический районный суд признал их виновными в хулиганстве по мотивам религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Однако 17 июля 2018 года Европейский суд по правам человека постановил, что их уголовное преследование и тюремное заключение равносильно несоразмерному воспрепятствованию свободе выражения мнений группы. В решении Суда прямо приняты к сведению замечание общего порядка № 34 (2011) Комитета по правам человека и доклады специальных процедур. Как и «Международная амнистия», «Хьюман райтс вотч» и Центр «Статья 19» в своих соответствующих материалах, Суд также сослался на пороговый критерий из шести частей Рабатского плана действий²⁰.

43. На Кубе ныне действующий Уголовный кодекс предусматривает лишение свободы на срок от трех месяцев до одного года за злоупотребление правом на свободу религии или убеждений, выражающееся в «противопоставлении религиозных убеждений целям образования или обязанности трудиться, защищать Родину с оружием в руках, уважать ее символы либо любым другим целям, установленным Конституцией»²¹. Эта норма, которая призвана защищать общественный порядок, позволяет государству наказывать за многочисленные охраняемые виды деятельности. Таким образом, согласно сообщениям, число массовых задержаний продолжало увеличиваться в 2016 и 2017 годах. В феврале 2016 года 200 членов «Церкви Эммануила» Апостольского движения (одной из крупнейших церквей в регионе Сантьяго-де-Куба) были задержаны, церковь была разрушена, а имущество церкви было конфисковано.

С. Законы против вероотступничества

44. Действие законов против вероотступничества и порождаемое ими насилие могут побуждать людей к самоцензуре, что в нашем взаимосвязанном мире способно иметь негативные последствия для международного сообщества. В числе жертв оказываются, в частности, священнослужители, учителя, студенты, писатели, журналисты, блогеры, художники, музыканты, актеры, издатели, продавцы книг, администраторы сайтов, политики, правозащитники и диссиденты. Эти законы не только подрывают интеллектуальную и художественную свободу, необходимую для динамичного общества, но и способны также наносить ущерб свободе общения, необходимой для осуществления прав, связанных со свободой религии или убеждений. Более того, они также могут устранить пространство для прав на

²⁰ Европейский суд по правам человека, *Мария Алехина и другие против России*, жалоба № 38004/12, постановление от 17 июля 2018 года, пункты 105–110, 187, 190–191, 223–224, 229–230; а также отдельное мнение Марии Элосеги, пункт 14.

²¹ Куба, Уголовный кодекс, (глава VI, статья 206), «Злоупотребление свободой вероисповедания».

надлежащую законную процедуру, которые имеют важнейший характер для верховенства права и для политического дискурса, необходимого для функционирования демократии.

Ашраф Фаяд

45. Палестинский поэт и художник Ашраф Фаяд в 2015 году был приговорен в Саудовской Аравии к смертной казни за вероотступничество, впоследствии замененной апелляционным судом на восемь лет лишения свободы и 800 ударов плетью. Впервые г-н Фаяд был арестован 6 августа 2013 года на основании гражданина Саудовской Аравии, который заявил, что поэт пропагандирует атеизм и распространяет кощунственные идеи среди молодежи. Он был освобожден на следующий день, но был снова арестован в январе 2014 года и обвинен в вероотступничестве, поскольку что он якобы подверг сомнению религию и пропагандировал атеизм своей поэзией. В заявлении для прессы по этому делу бывший Специальный докладчик Хайнер Билефельдт подчеркнул, что люди должны иметь возможность выражать свои убеждения, сомнения и идеи, не опасаясь преследований, и что религиозные верования могут лучше всего расцвести в обществе, которое допускает свободу выражения мнений²². Г-н Фаяд остается узником совести.

D. Законы о борьбе с обращением в другую веру и прозелитизмом

46. В сентябре 2017 года Специальный докладчик опубликовал сообщение о последующей деятельности в связи с принятием поправки к Уголовному кодексу Непала, которая предусматривает уголовную ответственность за обращение в другую веру и «оскорбление религиозных чувств» (часть 9 статьи 158 Уголовного кодекса). Как и в предыдущей переписке, в сообщении выражалась обеспокоенность тем, что новые положения могут быть использованы против законных проявлений религии или убеждений, включая благотворительную деятельность религиозных групп или преподавание другим своей веры, и что этот закон может быть использован против религиозных меньшинств за ознакомление ими других людей со своими верованиями. Обладатель мандата выразил аналогичную обеспокоенность в сообщении от 19 июня 2014 года в отношении принятия в Мьянме закона, который установил порядок регулируемого государством изменения своей религии, включая необходимость подачи заявления (пункт с) статьи 2 и статья 5), обоснования своего решения о переходе в другую религию (подпункт с) xi) статьи 5) и регистрации для перехода в другую религию (статья 6), а также порядок прохождения собеседования (пункт d) статьи 6 и пункты а)–с) статьи 7), рассмотрения заявления (пункты d)–f) статьи 7) и его утверждения (статьи 8 и 10).

47. Кроме того, в 74% стран Северной и Южной Америки в 2016 году усилились введенные государством ограничения на свободу религии или убеждений²³. Такое их усиление было в значительной степени связано с преследованием религиозных групп (в том числе меньшинств или неутвержденных религиозных групп) и неспособностью защитить некоторые религиозные группы от дискриминации или притеснений. Например, в Гондурасе, Мексике и Эквадоре «Свидетели Иеговы», как сообщалось, в ряде случаев сталкивались с препятствиями своей миссионерской деятельности и распространением религиозных материалов²⁴.

²² OHCHR, «UN rights experts urge Saudi Arabia to halt the execution of Palestinian poet Ashraf Fayadh», 3 December 2015.

²³ Pew Research Center, «Americas the only region with a rise in both government restrictions and social hostilities involving religion in 2016» в *Global Uptick in Government Restrictions on Religion in 2016* (2018).

²⁴ Ibid.

Е. Религиозная ненависть и экстремизм

Епископ Иоанн (Зоран Вранишковский)

48. В 2004 году бывший епископ Македонской православной церкви был приговорен к лишению свободы за подстрекательство к насилию в отношении себя и своих последователей за то, что он покинул господствующую церковь и создал раскол. Группа экспертов по свободе вероисповедания и убеждений Бюро по демократическим институтам и правам человека Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе в своем мнении выразила обеспокоенность по поводу подхода, на котором основывается это решение, как представляется, предполагающего, что любая форма религиозной деятельности, которая по сути дела оспаривает легитимность и превосходство Македонской православной церкви как господствующей религии следует рассматривать как деяние, способствующее религиозной ненависти. Поскольку епископ Иоанн был объектом враждебной реакции со стороны выступавших против него верующих, изумляет то, что суд первой инстанции признал, что он разжигал религиозную ненависть «в отношении себя и своих последователей»²⁵. Позднее Верховный суд частично удовлетворил его апелляцию в отношении свободы совершения религиозных обрядов и сократил срок лишения свободы до восьми месяцев.

Муслим Гюндюз

49. 12 июня 1995 года Муслим Гюндюз, бывший разнорабочий, в качестве лидера исламской секты (тариката) аджзменди был приглашен на вечернюю телевизионную программу, которая транслировалась в прямом эфире по независимому каналу. Ведущий телепрограммы объявил, что с Гюндюзом и несколькими другими участниками будут обсуждаться различные особенности джамаата, включая аспекты, связанные с верованиями и их проявлениями, такими как характерная одежда, пение и мировоззрение. В ходе обсуждения в прямом эфире Гюндюз выразил глубокое недовольство демократическими и светскими институтами Турции, назвав их нечестивыми и лицемерными, и заявил, что в Турции законы шариата заменят демократию. Это повлекло за собой его обвинение в подстрекательстве к ненависти и вражде на почве религии. Правительство Турции утверждало, что судебное преследование было оправданным ввиду насущной социальной необходимости, поскольку «своими высказываниями, которые противоречили нравственному чувству значительного большинства населения, [Гюндюз] подверг серьезной угрозе социальную стабильность»²⁶. Однако Европейский суд по правам человека постановил, что в этом деле необходимость в данном ограничении не была убедительно установлена и что воспрепятствование его свободе выражения не было мотивировано достаточными основаниями.

VI. Влияние онлайн-платформ и связанные с ними ограничения

50. Во всем мире политические круги сталкиваются с проблемой реагирования на выражение в сети мнений, подстрекающих к дискриминации или совершению новых враждебных или насильственных действий во имя религии или убеждений. Онлайн-платформы революционизировали общественную сферу, мгновенно делая знаменитыми бесчисленные взгляды, в том числе те, которые оскорбляют религиозные общины или сторонников тех или иных убеждений, а также те, которые представляют собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию. В последние годы государства приняли меры, направленные на борьбу с подстрекательством, а

²⁵ A/HRC/13/40/Add.2, пункт 47; Heiner Bielefeldt, Nazila Ghanea and Michael Wiener, *Freedom of Religion or Belief: An International Law Commentary* (Oxford, Oxford University Press, 2016), p. 497.

²⁶ European Court of Human Rights, *Gündüz v. Turkey*, Application No. 35071/97, Judgment of 4 December 2003, para. 31.

технологические компании приняли добровольные меры, в том числе процедуры жалоб и правила быстрого удаления контента, который считается незаконным, по их получении.

51. Таким образом, большинство пользователей Интернета в мире сталкиваются с различными формами цензуры или фильтрации информации. Такие процедуры, отмечают критики, позволили технологическим компаниям и государству получить колоссальную степень власти, давшую им возможность практически подавлять выражение мнений, поскольку люди подвергают себя самоцензуре из-за боязни санкций со стороны государства или широко распространенных, а часто и яростных, публичных нападок. Критики также утверждают, что, для того чтобы такие законы были эффективными, они должны ставить заслон распространению взглядов нетерпимости, ослаблять экстремистские политические силы и быть защищены от злоупотреблений, порождаемых авторитарными тенденциями. Но часто они отмечают, что законодательство не соответствует этим требованиям. Вместо этого попытки государства бороться с подстрекательством способствовали появлению «цифрового авторитаризма» в результате усиления слежки, посягательства на неприкосновенность частной жизни и широких ограничений на выражение мнений, связанных с религией или убеждениями, из-за чего киберпространство стало опасным местом для инакомыслящих и для религиозных меньшинств. Так, по сообщениям, цифровые приложения используются для жалоб на богохульство, а цифровые следы могут использоваться для проверки соблюдения религиозных предписаний. Кроме того, в некоторых случаях социальные сети используются для разжигания ненависти к религиозным общинам или мобилизации враждебной или насильственной реакции на оскорбительное выражение мнений.

52. Правительства реагируют на это явление, которое негативно сказывается на свободе выражения мнений. Такое реагирование включает удаление размещенных в сети материалов для ограничения доступа к определенным типам контента, блокировку и фильтрацию сайтов, раскрытие личности блогеров, критикующих господствующее в политике страны богословие и привлекающих провайдеров к ответственности за размещение «разжигающий вражду» контент, размещенный третьими лицами. Хотя существует необходимость предупреждения и наказания онлайн-подстрекательства к насилию, некоторые из существующих подходов, характеризующихся расплывчато сформулированными законами о том, что запрещено, и суровыми санкциями для провайдеров, скорее всего, будут крайне контрпродуктивными с пугающими последствиями. Негативные последствия усиления цифрового авторитаризма очевидны в свете большого числа случаев убийства, посягательства и судебного преследования в связи с деятельностью в сети. В то же время преступные и террористические группы недавно продемонстрировали возможность использования онлайн-платформ для пропаганды насильственного религиозного экстремизма или подстрекательства к насилию в отношении религиозных меньшинств.

53. По всей Европе нарастают требования действенного реагирования на подстрекательство в сети и «разжигание ненависти». Так, в Германии недавно принятый закон о регулировании социальных сетей («NetzDG») требует от технологических компаний удалять «заведомо незаконный» контент в течение 24 часов с момента получения уведомления. Другой незаконный контент должен быть проверен в течение семи дней с момента сообщения, а затем удален. Если требования по управлению жалобами не будут выполнены, могут быть наложены штрафы до 50 млн евро. Указанные положения проблематичны, поскольку некоторые критерии для определения того, какой контент запрещен, основаны на расплывчатых и неоднозначных терминах, таких как «оскорбление» или «диффамация», которые несовместимы со статьей 19 Международного пакта. Закон создал далеко идущий прецедент распространения ограничений, которые, по сути, служат поводом для все новых попыток фильтровать и в уголовном порядке наказывать за мнения, считающиеся оскорбительными для государств или популистских авторитарных настроений.

54. Кроме того, онлайн-инструменты, предназначенные для борьбы с выражением мнений, которые представляют собой подстрекательство, не гарантированы от людской предвзятости, и их использование может усилить предрассудки общества в отношении меньшинств, подвергая их дальнейшей стигматизации, дискриминации и маргинализации. Так, их использование в обстановке нетерпимости может порой привести к чрезмерному полицейскому контролю над некоторыми религиозными общинами и еще большему подавлению социального взаимодействия. Отдельные лица и целые общины могут также быть объектом манипулирования сетевыми фильтрами, а использование некоторых инструментов, таких как технология распознавания лиц, рискует подорвать деятельность акторов гражданского общества, которые занимаются мирным осуществлением основных прав человека.

VII. Выводы и рекомендации

55. Свобода религии или убеждений и свобода выражения мнений тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга, если эти права осуществляются в рамках норм, установленных международным правом в области прав человека. Оба права имеют основополагающее значение для демократического общества и индивидуальной самореализации и для осуществления прав человека. Специальный докладчик считает, что случаи, представленные в настоящем докладе, иллюстрируют тот факт, что меры по решению проблем, которые вызваны выражением мнений, связанных с религией или убеждениями, допускают злоупотребления и могут привести к обратным результатам, когда жертвами их применения зачастую становятся сторонники всевозможных религий и убеждений. Международное право обязывает государства придерживаться сдержанного подхода к устранению противоречий между свободой выражения мнений и свободой религии или убеждений. Такой подход должен опираться на критерии ограничений, признающих права всех лиц на свободу выражения мнений и проявления религии или убеждений, независимо от критического характера мнения, идеи, доктрины или убеждений или от того, шокирует, оскорбляет или беспокоит ли это выражение мнений других людей, пока они не переступают порога пропаганды религиозной ненависти, которая представляет собой подстрекательство к дискриминации, враждебности или насилию.

56. Свобода религии или убеждений опирается на вербальные и невербальные формы выражения применительно к публичному проявлению мысли, совести, религии или убеждений в связи с вероисповеданием, обрядовой стороной, внешним выражением и преподаванием. Это также важно для реализации права родителей или опекунов воспитывать своих детей в соответствии с их религиозными или нравственными убеждениями. Тем не менее нередки случаи, когда выдвигаются аргументы в пользу ограничения свободы выражения мнений во имя религии. Почти 70 государств имеют законы против богохульства, а в 30 государствах также имеются законы против вероотступничества. В некоторых странах один или оба из этих законов могут предусматривать применение смертной казни. Эти законы не могут быть оправданы в силу международных норм в области прав человека, поскольку они предназначены для защиты людей и не защищают религии или убеждения как таковые. Некоторые законы против богохульства уже не претендуют на защиту религии как таковой, а провозглашают своей целью защиту людей от оскорбления их религиозных чувств. Однако эти законы против диффамации религии также не имеют оснований в международном праве, поскольку такие ограничения не соответствуют режиму ограничений, установленному международным правом.

57. Ограничения свободы выражения мнений, связанных с религией или убеждениями, все чаще принимают форму законов против «возбуждения ненависти или вражды». Пункт 2 статьи 20 Международного пакта о гражданских и политических правах предусматривает, что государства должны законодательно запретить любую пропаганду религиозной ненависти, которая

представляет собой подстрекательство к дискриминации, враждебности или насилию. В то же время в замечании общего порядка № 34 (2011) подчеркивается, что запреты согласно пункту 2 статьи 20 должны соответствовать режиму ограничений согласно пункту 3 статьи 19. Кроме того, пропаганда ненависти требует дифференцированного ответа, который включает уголовные санкции, а также гражданские, административные и политические меры. Государства должны обеспечить, чтобы уголовные санкции применялись только в самых серьезных случаях и основывались на ряде контекстуальных факторов, включая умысел.

58. Инициативы и стратегии, выработанные за последнее десятилетие, например предусмотренные в Рабатском плане действий, которые направлены на практическую реализацию обязательств государств по противодействию пропаганде религиозной ненависти, предусмотренных в статье 20 Пакта, должны и далее направлять правительства и акторов гражданского общества в их нынешних усилиях. В то же время Специальный докладчик признает трудности в достижении прогресса в осуществлении таких инициатив и стратегий, учитывая сложный и эмоциональный характер взглядов, связанных с этим вопросом, а также их большие потенциальные последствия, включая защиту многочисленных прав человека и свобод, а также мира и безопасности. В связи с этим может быть полезно оценить серьезность воздействия таких законов, из-за которого их применение особенно проблематично, а также условия, затрудняющие отмену этих законов. Принятие международным сообществом подхода, основанного на приоритизации, может позволить акторам определить наиболее неотложные ситуации, требующие более срочных мер реагирования, из числа тех, которые требуют коррекции, но допускают и не столь быстрые ответные меры. Однако такой подход не способен заменить отмену всех ограничений свободы выражения мнений на основе религии или убеждений, которые не удовлетворяют требованиям режима ограничений согласно пункту 3 статьи 19 Пакта. Скорее, его следует использовать как средство ускорения полного соблюдения международных стандартов в области прав человека.

59. Во-первых, например, при изучении влияния запретов на выражение мнений, касающихся религии или убеждений, правительства, возможно, решат использовать подход, основанный на интересах жертв, при рассмотрении своих мер наказания. В некоторых юрисдикциях смертная казнь является наказанием за нарушение таких запретов, в то время как в других юрисдикциях наказания менее суровы. Отмена тех законов, которые подвергают жизни риску, должна иметь самый высокий приоритет. Кроме того, если законы государства предусматривают смертную казнь за религиозные преступления, более вероятно, что наличие таких законов будет побуждать толпы линчевателей или фанатиков убивать тех, кто якобы нарушил эти законы.

60. Во-вторых, акторы должны рассмотреть вопрос об усилении гарантий ограждения от ложных обвинений или других форм злоупотребления этими мерами, чтобы защитить от широко распространенного произвольного задержания лиц, которые использовали защищенные формы выражения мнений в соответствии с международным правом. В некоторых юрисдикциях заявления о преступлении могут быть поданы без подтверждения достоверности утверждений, а решения о предъявлении обвинения могут приниматься без должного учета обстоятельств дела.

61. В-третьих, налицо настоятельная необходимость усилить защиту от дискриминации в случаях, связанных с политизацией религии, жертвой которой часто становятся те, кто не принадлежит к религии большинства или традиционной религии. Чем теснее взаимосвязаны религия и государство, тем больше вероятность того, что инакомыслящие и меньшинства станут мишенью дискриминации, враждебности и насилия. Отсутствие равной защиты меньшинств и инакомыслящих в сочетании с политикой и практикой, которые подрывают гарантии равенства гражданских прав и тем самым способствуют

маргинализации и отторжению, приводит к особой уязвимости этих общин для нападков тех, кто намерен совершать новые преступления против них.

62. В-четвертых, страны должны оценить ныне действующие законы и регламентации на предмет любой расплывчатости формулировок, например использования таких терминов, как «осквернение лиц», защита «мест поклонения» и оскорбление «инсинуациями» или «неявным образом», а также пересмотреть и изменить законы и регламентации, которые не подчеркивают важности *mens rea* (преступного умысла) как необходимого элемента установления вины и наказания. Отсутствие элемента умысла в формулировке определения преступления, будь то в случае богохульства или подстрекательства к насилию, часто приводило к судебным ошибкам.

63. Пятый фактор – отсутствие независимости суда и как следствие нарушения прав на надлежащую законную процедуру, которые часто допускаются в случае людей, возможно, оспаривавших ортодоксальную идеологию государства или выразивших мнения по поводу религии или убеждений, которые угрожают власти органов государства.

64. Ограниченность власти государства, когда правительство не имеет реального контроля над отдельными районами страны, где царит повсеместное пренебрежение к верховенству права или где фанатизм в вопросах, связанных с религией или убеждениями, подрывает способность правительства выполнять решения судов, – это шестой фактор, который международное сообщество должно учитывать при определении приоритетных областей для принятия немедленных мер.

65. Наконец, Специальный докладчик подчеркивает роль, которую играют общественные акторы, особенно религиозные деятели и средства массовой информации. Часто существует временной зазор между предполагаемым словесным действием и мобилизацией публичного гнева при помощи сторонних источников, которые предают гласности предполагаемый оскорбительный акт. Религиозные деятели и средства массовой информации играют решающую роль и в разжигании ненависти, и в борьбе с ней. Интернет и социальные сети в огромной степени увеличивают возможности и риски, связанные с той влиятельной ролью, которую играют эти и другие акторы в распространении позитивных или негативных идей.

66. В этой связи Бейрутская декларация «Вера за права человека» дает важные ориентиры и вдохновляет на действия: «Речь имеет основополагающее значение для процветания личности и общества. Она служит одним из наиболее важных средств выражения добрых и злых сторон человечества. Война начинается в умах и взращивается рассуждениями, нередко питаемыми скрытой проповедью ненависти. Речь, оказывающая положительное влияние, также служит целительным средством примирения и созидания мира в сердцах и умах. Речь – одна из самых стратегических областей ответственности, которую мы обязуемся взять на себя и поддерживать друг друга для их реализации в рамках настоящей декларации "Вера за права человека" на основе пороговых значений, сформулированных в Рабатском плане действий»²⁷.

²⁷ См. приложение I, пункт 20.

Annex I

Beirut Declaration on Faith for Rights

“There are as many paths to God as there are souls on Earth.” (Rumi)¹

1. We, faith-based and civil society actors working in the field of human rights and gathered in Beirut on 28-29 March 2017, in culmination of a trajectory of meetings initiated by the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights (OHCHR),² express our deep conviction that our respective religions and beliefs share a common commitment to **upholding the dignity and the equal worth of all human beings**. Shared human values and equal dignity are therefore common roots of our cultures. Faith and rights should be mutually reinforcing spheres. Individual and communal expression of religions or beliefs thrive and flourish in environments where human rights, based on the equal worth of all individuals, are protected. Similarly, human rights can benefit from deeply rooted ethical and spiritual foundations provided by religion or beliefs.

2. We understand our respective religious or belief convictions as a source for the protection of the **whole spectrum of inalienable human entitlements** – from the preservation of the gift of life, the freedoms of thought, conscience, religion, belief, opinion and expression to the freedoms from want and fear, including from violence in all its forms.

- *“Whoever preserves one life, is considered by Scripture as if one has preserved the whole world.” (Talmud, Sanhedrin, 37,a).*
- *“Someone who saves a person’s life is equal to someone who saves the life of all.” (Qu’ran 5:32)*
- *“You shall love the Lord your God with all your heart, all your soul, all your strength, and with your entire mind; and your neighbour as yourself.” (Luke 10:27)*
- *Let them worship the Lord of this House who saved them from hunger and saved them from fear.” (Sourat Quraish, verses 3,4)*
- *“A single person was created in the world, to teach that if anyone causes a single person to perish, he has destroyed the entire world; and if anyone saves a single soul, he has saved the entire world.” (Mishna Sanhedrin 4:5)*
- *“Let us stand together, make statements collectively and may our thoughts be one.” (Rigveda 10:191:2)*
- *“Just as I protect myself from unpleasant things however small, in the same way I should act towards others with a compassionate and caring mind.” (Shantideva, A Guide to the Bodhisattva’s Way of Life)*
- *“Let us put our minds together to see what life we can make for our children.” (Chief Sitting Bull, Lakota)*

3. Based on the above, among many other sources of faith, we are convinced that our **religious or belief convictions are one of the fundamental sources** of protection for human dignity and freedoms of all individuals and communities with no distinction on any ground whatsoever. Religious, ethical and philosophical texts preceded international law in upholding the oneness of humankind, the sacredness of the right to life and the corresponding individual and collective duties that are grounded in the hearts of believers.

4. We pledge to disseminate the **common human values that unite us**. While we differ on some theological questions, we undertake to combat any form of exploitation of such differences to advocate violence, discrimination and religious hatred.

- *“We have designed a law and a practice for different groups. Had God willed, He would have made you a single community, but He wanted to test you regarding what has come to you. So compete with each other in doing good. Every one of you will return to God and He will inform you regarding the things about which you differed.” (Qu’ran 5, 48)*

— *“Ye are the fruits of one tree, and the leaves of one branch.” (Bahá’u’lláh)*

We believe that freedom of religion or belief does not exist without the **freedom of thought and conscience** which precede all freedoms for they are linked to human essence and his/her rights of choice and to freedom of religion or belief. A person as a whole is the basis of every faith and he/she grows through love, forgiveness and respect.

6. We hereby solemnly launch together from Beirut the **most noble of all struggles, peaceful but powerful**, against our own egos, self-interest and artificial divides. Only when we as religious actors assume our respective roles, articulate a shared vision of our responsibilities and transcend preaching to action, only then we will credibly promote mutual acceptance and fraternity among people of different religions or beliefs and empower them to defeat negative impulses of hatred, viciousness, manipulation, greed, cruelty and related forms of inhumanity. All religious or belief communities need a resolved leadership that unequivocally dresses that path by acting for equal dignity of everyone, driven by our shared humanity and respect for the absolute freedom of conscience of every human being. We pledge to spare no effort in filling that joint leadership gap by protecting freedom and diversity through “faith for rights” (F4R) activities.

— *“We perfected each soul within its built in weakness for wrong doing and its aspiration for what is right. Succeeds he or she who elevate to the path of rightness.” (Qu’ran 91, 7-9)*

7. The present declaration on “Faith for Rights” **reaches out to persons belonging to religions and beliefs in all regions of the world**, with a view to enhancing cohesive, peaceful and respectful societies on the basis of a common action-oriented platform agreed by all concerned and open to all actors that share its objectives. We value that our declaration on Faith for Rights, like its founding precedent the Rabat Plan of Action on incitement to discrimination, hostility or violence (October 2012), were both conceived and conducted under the auspices and with the support of the United Nations that represents all peoples of the world, and enriched by UN human rights mechanisms such as Special Rapporteurs and Treaty Body members.

8. While numerous welcomed initiatives attempted over time to link faith with rights for the benefit of both, none of these attempts fully reached that goal. We are therefore convinced that **religious actors should be enabled**, both nationally and internationally, to assume their responsibilities in defending our shared humanity against incitement to hatred, those who benefit from destabilising societies and the manipulators of fear to the detriment of equal and inalienable human dignity. With the present F4R Declaration, we aim to join hands and hearts in building on previous attempts to bring closer faith and rights **by articulating the common grounds** between all of us and **define ways in which faith can stand for rights** more effectively so that both enhance each other.

— *“Mankind is at loss. Except those who believe in doing righteous deeds, constantly recommend it to one another and persist in that vein.” (Qu’ran 103, 2-3)*

9. Building on the present declaration, we also intend to **practice what we preach** through establishing **a multi-level coalition**, open for all independent religious actors and faith-based organisations who genuinely demonstrate acceptance of and commitment to the present F4R declaration by implementing projects on the ground in areas that contribute to achieving its purpose. We will also be charting a roadmap for concrete actions in specific areas, to be reviewed regularly by our global coalition of Faith for Rights.

10. To achieve the above goal, we pledge as believers (whether theistic, non-theistic, atheistic or other³) to fully adhere to **five fundamental principles**:

- (a) Transcending traditional inter-faith dialogues into **concrete action-oriented Faith for Rights (F4R) projects at the local level**. While dialogue is important, it is not an end in itself. Good intentions are of limited value without corresponding action. Change on the ground is the goal and concerted action is its logical means.

— *“Faith is grounded in the heart when it is demonstrated by deeds.” (Hadith)*

- (b) **Avoiding theological and doctrinal divides** in order to act on areas of shared inter-faith and intra-faith vision as defined in the present F4R declaration. This declaration is not conceived to be a tool for dialogue among religions but rather a joint platform for common action in defence of human dignity for all. While we respect freedom of expression and entertain no illusion as to the continuation of a level of controversy at different levels of religious discourse, we are resolved to challenge the manipulation of religions in both politics and conflicts. We intend to be a balancing united voice of solidarity, reason, compassion, moderation, enlightenment and corresponding collective action at the grassroots level.
- (c) **Introspectiveness** is a virtue we cherish. We will all speak up and act first and foremost on our own weaknesses and challenges within our respective communities. We will address more global issues collectively and consistently, after internal and inclusive deliberation that preserves our most precious strength, i.e. integrity.
- (d) **Speaking with one voice**, particularly against any advocacy of hatred that amounts to inciting violence, discrimination or any other violation of the equal dignity that all human beings enjoy regardless of their religion, belief, gender, political or other opinion, national or social origin, or any other status. Denouncing incitement to hatred, injustices, discrimination on religious grounds or any form of religious intolerance is not enough. We have a duty to redress hate speech by remedial compassion and solidarity that heals hearts and societies alike. Our words of redress should transcend religious or belief boundaries. Such boundaries should thus no longer remain a free land for manipulators, xenophobes, populists and violent extremists.
- (e) We are resolved to **act in a fully independent manner**, abiding only by our conscience, while seeking partnerships with religious and secular authorities, relevant governmental bodies and non-State actors wherever Faith for Rights (F4R) coalitions are freely established in conformity with the present declaration.

11. Our **main tool and asset is reaching out to hundreds of millions of believers** in a preventive structured manner to convey our shared convictions enshrined in this F4R declaration. Speaking up in one voice in defence of equal dignity of all on issues of common challenges to humanity equally serves the cause of faith and rights. Human beings are entitled to full and equal respect, rather than mere tolerance, regardless of what they may believe or not believe. It is our duty to uphold this commitment within our respective spheres of competence. We will also encourage all believers to assume their individual responsibilities in the defence of their deeply held values of justice, equality and responsibility towards the needy and disadvantaged, regardless of their religion or belief.

— *“People are either your brothers in faith, or your brothers in humanity.” (Imam Ali ibn Abi Talib)*

— *“On the long journey of human life, Faith is the best of companions.” (Buddha)*

12. We aim to achieve that goal in a concrete manner that matters **for people at the grassroots level** in all parts of the world where coalitions of religious actors choose to adhere to this declaration and act accordingly. We will support each other’s actions, including through a highly symbolic annual Walk of Faith for Rights in the richest expression of our unity in diversity each 10th of December in all parts of the world.

13. Articulating through the present declaration a common vision of religious actors, on the basis of the Rabat Plan of Action of 2012 and follow-up meetings, would provide the tipping point for **disarming the forces of darkness**; and help dismantling the unholy alliance in too many hearts between fear and hatred. Violence in the name of religion defeats its basic foundations, mercy and compassion. We intend to transform the messages of mercy and compassion into acts of solidarity through inter-communal social, developmental and environmental faith-based projects at the local, national, regional and global levels.

14. We **fully embrace the universally recognised values** as articulated in international human rights instruments as common standards of our shared humanity. We ground our commitments in this F4R declaration first and foremost in our conviction that religions and beliefs share common core values of respect for human dignity, justice and fairness. We also ground these commitments in our acceptance of the fact that *“Everyone has duties to the*

community in which alone the free and full development of his personality is possible”⁴. Our duty is to practice what we preach, to fully engage, to speak up and act on the ground in the defence of human dignity long before it is actually threatened.

— *“Oh you believers, why don’t you practice what you preach? Most hateful for God is preaching what you don’t practice.” (Qu’ran 61: 2-3)*

— *“Speak up for those who cannot speak for themselves, for the rights of all who are destitute. Speak up and judge fairly; defend the rights of the poor and needy.” (Proverbs 31:8-9)*

15. Both **religious precepts and existing international legal frameworks** attribute responsibilities to religious actors. Empowering religious actors requires actions in areas such as legislation, institutional reforms, supportive public policies and training adapted to the needs of local religious actors who often are one of the main sources of education and social change in their respective areas of action. International conventions and covenants have defined key legal terms such as genocide, refugee, religious discrimination and freedom of religion or belief.⁵ All these concepts have corresponding resonance in different religions and beliefs. In addition, numerous declarations and resolutions⁶ provide elements of religious actors’ roles and responsibilities that we embrace and consolidate in this F4R declaration.

16. We agree as human beings that **we are accountable to all human beings** as to redressing the manner by which religions are portrayed and too often manipulated. We are responsible for our actions but even more responsible if we do not act or do not act properly and timely.

— *“We will ask each of you about all what you have said and done, for you are accountable” (Quran, Assaafat, 24)*

— *“Every man’s work shall be made manifest.” (Bible, 1 Corinthians iii. 13)*

17. While States bear the primary responsibility for promoting and protecting all rights for all, individually and collectively to enjoy a dignified life free from fear and free from want and enjoy the freedom of choice in all aspects of life, we as religious actors or as individual believers do bear a distinct responsibility to **stand up for our shared humanity and equal dignity of each human being** in all circumstances within our own spheres of preaching, teaching, spiritual guidance and social engagement.

— *“Whoever witnesses an injustice or wrong doing should change its course by his hand. If He or she cannot do that, they by his words. If he or she is unable to do that then by their hearts. This would be the weakest of acts of faith” (Hadith)*

18. **Religious communities, their leaders and followers** have a role and bear responsibilities independently from public authorities both under national and international legal instruments. By virtue of article 2 (1) of the 1981 UN Declaration on the Elimination of all Forms of Intolerance and of Discrimination Based on Religion of Belief, “no one shall be subject to discrimination by any State, institution, group of persons or person on the grounds of religion or belief”. This provision establishes direct responsibilities of religious institutions, leaders and even each individual within religious or belief communities.

19. As much as the notion of effective control⁷ provides the foundation for responsibilities of non-State actors in times of conflict, we see a similar legal and ethical justification in case of religious leaders who exercise a **heightened degree of influence over the hearts and minds of their followers** at all times.

20. Speech is fundamental to individual and communal flourishing. It constitutes one of the most crucial **mediums for good and evil sides of humanity**. War starts in the minds and is cultivated by a reasoning fuelled by often hidden advocacy of hatred. Positive speech is also the healing tool of reconciliation and peace-building in the hearts and minds. Speech is one of the most strategic areas of the responsibilities we commit to assume and support each other for their implementation through this F4R declaration on the basis of the thresholds articulated by the Rabat Plan of Action.

21. Under the International Covenant on Civil and Political Rights (article 20, paragraph 2), States are obliged to prohibit any advocacy of national, racial or religious hatred that constitutes incitement to discrimination, hostility or violence. This includes **incitement to**

hatred by some religious leaders in the name of religion. Due to the speaker's position, context, content and extent of sermons, such statements by religious leaders may be likely to meet the threshold of incitement to hatred. Prohibiting such incitement is not enough. Remedial advocacy to reconciliation is equally a duty, including for religious leaders, particularly when hatred is advocated in the name of religions or beliefs.

22. The clearest and most recent guidance in this area is provided by the 2012 Rabat Plan of Action⁸ which articulates **three specific core responsibilities of religious leaders**: (a) Religious leaders should refrain from using messages of intolerance or expressions which may incite violence, hostility or discrimination; (b) Religious leaders also have a crucial role to play in speaking out firmly and promptly against intolerance, discriminatory stereotyping and instances of hate speech; and (c) Religious leaders should be clear that violence can never be tolerated as a response to incitement to hatred (e.g. violence cannot be justified by prior provocation).

Annex II

18 commitments on “Faith for Rights”

We, faith-based and civil society actors working in the field of human rights and gathered in Beirut on 28-29 March 2017, express the deep conviction that our respective religions and beliefs share a common commitment to **upholding the dignity and the equal worth of all human beings**. Shared human values and equal dignity are therefore common roots of our cultures. Faith and rights should be mutually reinforcing spheres. Individual and communal expression of religions or beliefs thrive and flourish in environments where human rights, based on the equal worth of all individuals, are protected. Similarly, human rights can benefit from deeply rooted ethical and spiritual foundations provided by religions or beliefs.

The **present declaration on “Faith for Rights” reaches out to persons belonging to religions and beliefs in all regions** of the world, with a view to enhancing cohesive, peaceful and respectful societies on the basis of a common action-oriented platform agreed by all concerned and open to all actors that share its objectives. We value that our declaration on Faith for Rights, like its founding precedent the Rabat Plan of Action, were both conceived and conducted under the auspices and with the support of the United Nations that represents all peoples of the world, and enriched by UN human rights mechanisms such as Special Rapporteurs and Treaty Body members.

The 2012 **Rabat Plan of Action**⁸ articulates three specific core responsibilities of religious leaders: (a) Religious leaders should refrain from using messages of intolerance or expressions which may incite violence, hostility or discrimination; (b) Religious leaders also have a crucial role to play in speaking out firmly and promptly against intolerance, discriminatory stereotyping and instances of hate speech; and (c) Religious leaders should be clear that violence can never be tolerated as a response to incitement to hatred (e.g. violence cannot be justified by prior provocation).

In order to give concrete effect to the above three core responsibilities articulated by the Rabat Plan of Action, which has repeatedly been positively invoked by States, we formulate the following chart of **18 commitments on “Faith for Rights”**,⁹ including corresponding follow-up actions:

- I. Our most fundamental responsibility is to **stand up and act for everyone’s right to free choices** and particularly for everyone’s freedom of thought, conscience, religion or belief. We affirm our commitment to the universal norms⁵ and standards⁶, including Article 18 of the International Covenant on Civil and Political Rights which does not permit any limitations whatsoever on the freedom of thought and conscience or on the freedom to have or adopt a religion or belief of one’s choice. These freedoms, unconditionally protected by universal norms, are also sacred and inalienable entitlements according to religious teachings.
 - *“There shall be no compulsion in religion.” (Qu’ran 2:256)*
 - *“The Truth is from your Lord; so let he or she who please believe and let he or she who please disbelieve” (Qu’ran 18:29)*
 - *“But if serving the Lord seems undesirable to you, then choose for yourselves this day whom you will serve...” (Joshua 24:15)*
 - *“No one shall coerce another; no one shall exploit another. Everyone, each individual, has the inalienable birth right to seek and pursue happiness and self-fulfilment. Love and persuasion is the only law of social coherence.” (Guru Granth Sahib, p. 74)*
 - *“When freedom of conscience, liberty of thought and right of speech prevail—that is to say, when every man according to his own idealization may give expression to his beliefs—development and growth are inevitable.” (‘Abdu’l-Bahá)*
 - *“People should aim to treat each other as they would like to be treated themselves – with tolerance, consideration and compassion.” (Golden Rule)¹*

- II. We see the present declaration on “Faith for Rights” as a **common minimum standard for believers (whether theistic, non-theistic, atheistic or other)**, based on our conviction that interpretations of religion or belief should add to the level of protection of human dignity that human-made laws provide for.
- III. As religions are necessarily subject to human interpretations, we commit to **promote constructive engagement on the understanding of religious texts**. Consequently, critical thinking and debate on religious matters should not only be tolerated but rather encouraged as a requirement for enlightened religious interpretations in a globalized world composed of increasingly multi-cultural and multi-religious societies that are constantly facing evolving challenges.
- IV. We pledge to **support and promote equal treatment** in all areas and manifestations of religion or belief and to denounce all forms of discriminatory practices. We commit to **prevent the use of the notion of “State religion” to discriminate against any individual or group** and we consider any such interpretation as contrary to the oneness of humanity and equal dignity of humankind. Similarly, we commit to prevent the use of “doctrinal secularism” from reducing the space for religious or belief pluralism in practice.
- *“Then Peter began to speak: ‘I now realize how true it is that God does not show favoritism’.” (Acts 10:34)*
- V. We pledge to **ensure non-discrimination and gender equality** in implementing this declaration on “Faith for Rights”. We specifically commit to revisit, each within our respective areas of competence, those religious understandings and interpretations that appear to perpetuate gender inequality and harmful stereotypes or even condone gender-based violence. We pledge to ensure justice and equal worth of everyone as well as to affirm the right of all women, girls and boys not to be subjected to any form of discrimination and violence, including harmful practices such as female genital mutilation, child and/or forced marriages and crimes committed in the name of so-called honour.
- *“A man should respect his wife more than he respects himself and love her as much as he loves himself.” (Talmud, Yebamot, 62,b)*
- *“Never will I allow to be lost the work of any one among you, whether male or female; for you are of one another.” (Qu’ran 3, 195)*
- *“O mankind, indeed We have created you from male and female and made you peoples and tribes that you may know one another.” (Quran 49:13)*
- *“In the image of God He created him male and female. He created them.” (Genesis 1, 27)*
- *“The best among you is he who is best to his wife” (Hadith)*
- *“It is a woman who is a friend and partner for life. It is woman who keeps the race going. How may we think low of her of whom are born the greatest. From a woman a woman is born: none may exist without a woman.” (Guru Granth Sahib, p. 473)*
- *“The world of humanity is possessed of two wings - the male and the female. So long as these two wings are not equivalent in strength the bird will not fly. Until womankind reaches the same degree as man, until she enjoys the same arena of activity, extraordinary attainment for humanity will not be realized” (‘Abdu’l-Bahá)*
- *“A comprehensive, holistic and effective approach to capacity-building should aim to engage influential leaders, such as traditional and religious leaders [...]” (Joint general recommendation No. 31 of the Committee on the Elimination of Discrimination against Women/general comment No. 18 of the Committee on the Rights of the Child on harmful practices, CEDAW/C/GC/31-CRC/C/GC/18, para. 70)*
- VI. We pledge to **stand up for the rights of all persons belonging to minorities** within our respective areas of action and to defend their freedom of religion or belief as well as their right to participate equally and effectively in cultural, religious, social, economic and public life, as recognized by international human rights law, as a minimum standard of solidarity among all believers.

- VII. We pledge to **publicly denounce all instances of advocacy of hatred that incites to violence, discrimination or hostility**, including those that lead to atrocity crimes. We bear a direct responsibility to denounce such advocacy, particularly when it is conducted in the name of religion or belief.
- *“Now this is the command: Do to the doer to make him do.” (Ancient Egyptian Middle Kingdom)*
 - *“Repay injury with justice and kindness with kindness.” (Confucius)*
 - *“What is hateful to you, don’t do to your friend.” (Talmud, Shabat, 31,a)*
 - *“Whatever words we utter should be chosen with care for people will hear them and be influenced by them for good or ill.” (Buddha)*
 - *“By self-control and by making dharma (right conduct) your main focus, treat others as you treat yourself.” (Mahābhārata)*
 - *“You shall not take vengeance or bear a grudge against your kinsfolk. Love your neighbor as yourself” (Leviticus 19:18)*
 - *“Therefore all things whatsoever ye would that men should do to you, do ye even so to them: for this is the law and the prophets.” (Matthew 7:12)*
 - *“Ascribe not to any soul that which thou wouldst not have ascribed to thee, and say not that which thou doest not.” (Bahá’u’lláh)*
- VIII. We therefore pledge to establish, each within our respective spheres, policies and methodologies to **monitor interpretations, determinations or other religious views that manifestly conflict with universal human rights norms and standards**, regardless of whether they are pronounced by formal institutions or by self-appointed individuals. We intend to assume this responsibility in a disciplined objective manner only within our own respective areas of competence in an introspective manner, without judging the faith or beliefs of others.
- *“Do not judge, or you too will be judged. For in the same way you judge others, you will be judged, and with the measure you use, it will be measured to you.” (Bible, Matthew 7:1-2)*
 - *“Habituate your heart to mercy for the subjects and to affection and kindness for them... since they are of two kinds, either your brother in religion or one like you in creation... So, extend to them your forgiveness and pardon, in the same way as you would like Allah to extend His forgiveness and pardon to you”—(Letter from Caliph Ali to Malik Ashtar, Governor of Egypt)*
 - *“The essential purpose of the religion of God is to establish unity among mankind. The divine Manifestations were Founders of the means of fellowship and love. They did not come to create discord, strife and hatred in the world. The religion of God is the cause of love, but if it is made to be the source of enmity and bloodshed, surely its absence is preferable to its existence; for then it becomes satanic, detrimental and an obstacle to the human world.” (‘Abdu’l-Bahá)*
- IX. We also pledge to refrain from, advocate against and jointly **condemn any judgemental public determination by any actor who in the name of religion aims at disqualifying the religion or belief of another individual** or community in a manner that would expose them to violence in the name of religion or deprivation of their human rights.
- X. We pledge **not to give credence to exclusionary interpretations claiming religious grounds** in a manner that would instrumentalize religions, beliefs or their followers to incite hatred and violence, for example for electoral purposes or political gains.
- XI. We equally commit **not to oppress critical voices** and views on matters of religion or belief, however wrong or offensive they may be perceived, in the name of the “sanctity” of the subject matter and we urge States that still have anti-blasphemy or anti-apostasy laws to repeal them, since such laws have a stifling impact on the enjoyment of freedom of thought, conscience, religion or belief as well as on healthy dialogue and debate about religious issues.

- XII. We commit to further **refine the curriculums, teaching materials and textbooks** wherever some religious interpretations, or the way they are presented, may give rise to the perception of condoning violence or discrimination. In this context, we pledge to promote respect for pluralism and diversity in the field of religion or belief as well as the right not to receive religious instruction that is inconsistent with one's conviction. We also commit to **defend the academic freedom and freedom of expression**, in line with Article 19 of the International Covenant on Civil and Political Rights, within the religious discourse in order to promote that religious thinking is capable of confronting new challenges as well as facilitating free and creative thinking. We commit to support efforts in the area of religious reforms in educational and institutional areas.
- *"The only possible basis for a sound morality is mutual tolerance and respect." (A.J. Ayer)*
- XIII. We pledge to build on experiences and lessons learned in **engaging with children and youth**, who are either victims of or vulnerable to incitement to violence in the name of religion, in order to design methodologies and adapted tools and narratives to enable religious communities to deal with this phenomenon effectively, with particular attention to the important role of parents and families in detecting and addressing early signs of vulnerability of children and youth to violence in the name of religion.
- *"Don't let anyone look down on you because you are young, but set an example for the believers in speech, in conduct, in love, in faith and in purity." (1 Timothy 4:12)*
- XIV. We pledge to promote, within our respective spheres of influence, the imperative necessity of ensuring **respect in all humanitarian assistance activities** of the *Principles of Conduct for the International Red Cross and Red Crescent Movement and NGOs in Disaster Response Programmes*,¹⁰ especially that aid is given regardless of the recipients' creed and without adverse distinction of any kind and that aid will not be used to further a particular religious standpoint.
- XV. We pledge **neither to coerce people nor to exploit persons in vulnerable situations** into converting from their religion or belief, while fully respecting everyone's freedom to have, adopt or change a religion or belief and the right to manifest it through teaching, practice, worship and observance, either individually or in community with others and in public or private.
- XVI. We commit to **leverage the spiritual and moral weight of religions and beliefs** with the aim of strengthening the protection of universal human rights and developing preventative strategies that we adapt to our local contexts, benefitting from the potential support of relevant United Nations entities.
- *"Love your neighbour as yourself. There is no commandment greater than these" (Mark 12, 31)*
- *"But love your enemies, do good to them and lend to them without expecting to get anything back. Then your reward will be great" (Luke 6, 35)*
- *"The God-conscious being is always unstained, like the sun, which gives its comfort and warmth to all. The God-conscious being looks upon all alike, like the wind, which blows equally upon the king and the poor beggar." (Guru Granth Sahib p. 272)*
- *"The religion of God and His divine law are the most potent instruments and the surest of all means for the dawning of the light of unity amongst men. The progress of the world, the development of nations, the tranquility of peoples, and the peace of all who dwell on earth are among the principles and ordinances of God." (Bahá'u'lláh)*
- XVII. We commit to support each other at the implementation level of this declaration through **exchange of practices**, mutual capacity enhancement and regular activities of skills updating for religious and spiritual preachers, teachers and instructors, notably in areas of communication, religious or belief minorities, inter-community mediation, conflict resolution, early detection of communal tensions and remedial techniques. In this vein, we shall explore means of developing sustained **partnerships with specialised academic institutions** so as to promote interdisciplinary research on specific questions related to faith and rights and to benefit from their outcomes that could feed into the programs and tools of our coalition on Faith for Rights.

XVIII. We pledge to **use technological means more creatively and consistently** in order to disseminate this declaration and subsequent Faith for Rights messages to enhance cohesive societies enriched by diversity, including in the area of religions and beliefs. We will also consider means to produce empowering capacity-building and outreach tools and make them available in different languages for use at the local level.

Endnotes

- ¹ All quotations from religious or belief texts were offered by participants of the Beirut workshop in relation to their own religion or belief and are merely intended to be illustrative and non-exhaustive.
- ² OHCHR organized related international meetings, expert seminars and regional workshops, including in Geneva (October 2008), Vienna (February 2011), Nairobi (April 2011), Bangkok (July 2011), Santiago de Chile (October 2011), Rabat (October 2012), Geneva (February 2013), Amman (November 2013), Manama (2014), Tunis (October 2014 and April 2015), Nicosia (October 2015), Beirut (December 2015) and Amman (January 2017).
- ³ See UN Human Rights Committee, general comment no. 22 (1993), UN Doc. CCPR/C/21/Rev.1/Add.4, para. 2.
- ⁴ Article 29, paragraph 1, of the Universal Declaration of Human Rights (1948).
- ⁵ These include the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (1948); Convention Relating to the Status of Refugees (1951); International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (1965); International Covenant on Civil and Political Rights (1966); International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (1966); Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (1979); Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (1984); Convention on the Rights of the Child (1989); International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families (1990); Convention on the Rights of Persons with Disabilities (2006); and International Convention for the Protection of All Persons from Enforced Disappearance (2006).
- ⁶ These include the Universal Declaration of Human Rights (1948); Declaration on the Elimination of All Forms of Intolerance and Discrimination Based on Religion or Belief (1981); Declaration on the Rights of Persons Belonging to National or Ethnic, Religious and Linguistic Minorities (1992); Principles of Conduct for the International Red Cross and Red Crescent Movement and NGOs in Disaster Response Programmes (1994); UNESCO Declaration on Principles of Tolerance (1995); Final Document of the International Consultative Conference on School Education in Relation to Freedom of Religion or Belief, Tolerance and Non-Discrimination (2001); Toledo Guiding Principles on Teaching about Religions and Beliefs in Public Schools (2007); United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples (2007); The Hague Statement on “Faith in Human Rights” (2008); Camden Principles on Freedom of Expression and Equality (2009); Human Rights Council resolution 16/18 on Combating Intolerance, Negative Stereotyping and Stigmatization of, and Discrimination, Incitement to Violence and Violence against, Persons Based on Religion or Belief (and Istanbul Process, 2011); Rabat Plan of Action on the prohibition of advocacy of national, racial or religious hatred that constitutes incitement to discrimination, hostility or violence (2012); Framework of Analysis for Atrocity Crimes (2014); Secretary-General’s Plan of Action to Prevent Violent Extremism (2015); as well as the Fez Declaration on preventing incitement to violence that could lead to atrocity crimes (2015).
- ⁷ Under certain circumstances, in particular when non-State actors exercise significant/effective control over territory and population (e.g. as de facto authorities), they are also obliged to respect international human rights as duty bearers (see UN Docs. CEDAW/C/GC/30, para. 16; A/HRC/28/66, paras. 54-55).
- ⁸ See UN Doc. A/HRC/22/17/Add.4, annex, appendix, para. 36.
- ⁹ See Article 18 of the International Covenant on Civil and Political Rights: “(1) Everyone shall have the right to freedom of thought, conscience and religion. This right shall include freedom to have or to adopt a religion or belief of his choice, and freedom, either individually or in community with others and in public or private, to manifest his religion or belief in worship, observance, practice and teaching. (2) No one shall be subject to coercion which would impair his freedom to have or to adopt a religion or belief of his choice. (3) Freedom to manifest one’s religion or beliefs may be subject only to such limitations as are prescribed by law and are necessary to protect public safety, order, health, or morals or the fundamental rights and freedoms of others. (4) The States Parties to the present Covenant

undertake to have respect for the liberty of parents and, when applicable, legal guardians to ensure the religious and moral education of their children in conformity with their own convictions.”

¹⁰ See www.icrc.org/eng/assets/files/publications/icrc-002-1067.pdf.
